

Проблемы рынка труда в условиях интенсивной трудовой миграции как угроза внутренней стабильности Китая

Красова Елена Викторовна

кандидат экономических наук

доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1506

✉ elena_krasova@rambler.ru

Цао Лихуань

помощник директора, Taiping Business Trade Co., Ltd

151100, Китай, Хэйлуцзян, г. Суйхуа, ул. Цинань, 204

✉ 834255678@qq.com

Сюй Цяньюнь

стажер, Dongying Bot Petroleum Machinery Co., Ltd

250768, Китай, Шаньдун, г. Дуньин, ул. Бэйи, 39, оф. 1101

✉ 1075611959@qq.com

[Статья из рубрики "Внутренний контур национальной безопасности"](#)

Аннотация. Предметом исследования являются проблемы рынка труда, связанные с внутренней трудовой миграцией, которая приняла в Китае беспрецедентные масштабы, и рассматриваемые в контексте внутренних угроз национальной безопасности страны. Объектом исследования является трансформирующийся под воздействием развития внутренней миграции китайский рынок труда. По мере своего экономического развития и реструктуризации экономики современный Китай сталкивается с острыми социальными проблемами, вызываемыми дифференциацией доходов населения, бедностью и эксплуатацией рабочего класса, и, в свою очередь, провоцирующие социальную напряженность. Целью исследования является определение основных проблем китайского рынка труда в условиях интенсивной трудовой миграции, являющихся угрозой внутренней стабильности страны. Методологической основой исследования являются положения современной теории рыночной экономики и, в частности, рынка труда, теорий миграционных систем, концепции национальной безопасности, применяемых посредством системного подхода и статистического анализа. В статье обоснована актуальность исследования проблем рынка труда в условиях активной внутренней миграции для современного Китая, выделены базовые тенденции развития рынка труда, определены и изучены основные проблемы рынка труда, обоснована связь этих проблем с социальной нестабильностью и угрозой внутренней безопасности страны, представлены главные направления решения данных проблем. В качестве таких проблем авторы выделяют сверхвысокую продолжительность рабочего времени, отсутствие полноценного социального обеспечения рабочих и особенно мигрантов, дискриминацию в сфере занятости, отсутствие профессиональной подготовки, профессиональные заболевания и проблемы с воспитанием и обучением детей.

Ключевые слова: Рынок труда Китая, проблемы рынка труда, внутренняя трудовая миграция, трудовая миграция Китая, внутренняя стабильность Китая, социальные проблемы Китая, безработица в Китае, положение мигрантов Китая, дискриминация мигрантов Китая, дети мигрантов

DOI: 10.7256/2454-0668.2017.6.24699

Дата направления в редакцию: 12-11-2017

Дата рецензирования: 12-11-2017

Дата публикации: 19-12-2017

В условиях структурной реорганизации экономики Китая внутренняя трудовая миграция стала неотъемлемой частью процесса наращивания инновационно-промышленного потенциала страны. Трудоспособное население мигрирует вслед за капиталом, обеспечивая трудовыми ресурсами активно развивающиеся провинции и районы. Согласно современным миграционным теориям, внутренняя трудовая миграция — один из базовых типов передвижения людей, основной целью которых является получить более высокооплачиваемую работу [1; 2]. В последние десятилетия Китай переживает мощнейший бум внутренней миграции: среднегодовая численность мигрирующего населения составляет порядка 250 млн. чел. в год, что в 1,7 раза больше всего населения России. Вне своей постоянной прописки (регистрации) живут около 300 млн. чел., а численность населения городов, куда устремляются основные потоки мигрантов, увеличилась за последние 35 лет на 700 млн. чел. [3].

Учитывая масштабность и интенсивность миграционных процессов в Китае, такие передвижения глубоко затрагивают все жизненные процессы китайского общества. Главным социально-экономическим институтом, который ощущает на себе последствия трудовых миграций, является рынок труда. Численность, структура, соотношение спроса и предложения, а также другие параметры рынка труда существенно меняются под воздействием миграционных процессов, испытывая огромное демографическое и административное давление. На сегодняшний день на китайском рынке труда можно выделить несколько четких тенденций, которые, наряду с демографическими факторами, усугубляют социальные проблемы общества, способствуют снижению качества жизни населения при том, что экономика страны показывает хорошие темпы роста производства и формирования внутреннего спроса. Такими тенденциями являются следующие.

1. *Избыточность предложения рабочей силы по сравнению со спросом на нее.* В традиционном понимании избыточность рабочей силы в Китае имеет демографическую природу: в соответствии с естественным приростом населения, ежегодно в Китае в трудоспособный возраст вступают около 10 млн. чел. В результате, более 1 млрд. чел. трудоспособного населения, особо не обремененного семьей и детьми в силу действовавшей ранее политики ограничения рождаемости «Одна семья — один ребенок», составляют 73% всех жителей страны и остро конкурируют между собой за рабочие места и за заработную плату [3]. Структурные изменения экономики (перераспределение удельных весов различных отраслей в общем объеме добавленной стоимости), сельскохозяйственные реформы и развитие образования также способствуют пополнению армии рабочей силы. Так, в стране продолжается изъятие пахотных земель под городское, промышленное и транспортное строительство, и уже к 2012 г. в Китае

насчитывалось около 100 млн. лишившихся земли крестьян, которые устремились на заработки в города [4]. Выпускники вузов становятся трудовым резервом, и, согласно статистике образования, в стране насчитывается более 100 млн. чел. из числа тех, кто не может найти работу после окончания университета. Образовательная миграция как фактор формирования предложения трудовых ресурсов становится все более значимой, и профессионально-квалификационная структура мигрирующих рабочей силы усложняется и диверсифицируется. Кроме того, для Китая характерна проблема повторного трудоустройства, когда единожды уволенный работник становится «хроническим» безработным. Успешный поиск работы требует определенных навыков, компетенций и профессиональной переподготовки [5].

По расчетам китайских специалистов, в 2015 г. общий рост объема предложения рабочей силы составил 15 млн. чел., а рост спроса на нее в городах — порядка 10 млн. чел. Это означает, что разрыв между предложением и спросом на рынке труда равен 5 млн. чел., или 1,2% от общей занятости в городах страны. Увеличение избытка рабочей силы на рынке в последние годы специалисты связывают с замедлением экономического роста, вызвавшего соответствующее сокращение объема спроса на ресурс труда [3; 5].

2. Высокий уровень нерегистрируемой безработицы. Китайская статистика регистрирует достаточно умеренный и стабильный уровень безработицы — не более 4,1% за последние пятнадцать лет (2002–2016 гг.). В абсолютном выражении официальная безработица не превышает 9,7 млн. чел., что выглядит достаточно скромно для такой густонаселенной страны, как Китай, особенно в условиях замедления экономического роста. Для сравнения: уровень безработицы в США в 2016 г. составил 4,9%, в Германии — 4,2%, России — 5,5%, Канаде — 7%, Франции — 10% [6]. На фоне развитых стран Китай позиционирует себя как страна, успешно решающая проблему избыточности трудовых ресурсов и эффективности их использования.

Однако, методологические особенности подсчета уровня безработицы в Китае и результаты полевых исследований ученых дают основания для пересмотра и корректировки таких заниженных оценок. На протяжении всего современного периода статистической обработки информации (с 1996 г.) в Китае при подсчете уровня безработицы учитываются только те безработные, которые регистрируются в органах кадровых ресурсов или учреждениях службы занятости городов. При этом, из поля зрения выпадает многочисленная армия сельских безработных, ищущие работу среди молодежи и выпускников школ и вузов, а также безработные среди мигрантов, которые не могут быть зарегистрированы из-за несоответствия адреса их прописки и места нахождения. Таким образом, имеет место нерегистрируемая безработица, или, как называют ее китайские ученые, скрытая безработица [5].

Масштабы нерегистрируемой безработицы в Китае стали возрастать по мере высвобождения большого количества сельских рабочих и активизации миграционного движения из села в города. По оценкам китайских специалистов, за период с 1978 г. по 2002 г. численность неучитываемых статистикой безработных возросла на 17,7 млн. чел., и достигла в 2002 г. своего максимального уровня в 21,6 млн. чел. [5]. Исследования российских китаеведов также говорят о существенном превышении реальной безработицы над регистрируемой. Уровень официальной безработицы за указанный выше период возрос с 2,1% в 1986–1990 гг. до 3,1% в 1996–2000 гг. и до 4% в 2002 г. Реальный же уровень безработицы рос еще быстрее: с 2,1% в 1986–1990 гг. до 6,1% в 1996–2000 гг. и до 9% в 2002 г. [7, с. 85]. В последние годы уровень нерегистрируемой

безработицы оценивается китайскими учеными от 9% до 55% от численности официальной безработицы, что соответствует реальной безработице на уровне 5%–10% [5]. Согласно данным агентства Bloomberg, реальный уровень безработицы в КНР выше официального показателя в три раза и в 2016 г. составил 12,9% [8].

Ранее нерегистрируемая безработица была распространена в сельских районах Китая, однако, в связи с интенсивной внутренней миграцией, с 2000-х гг. она концентрируется преимущественно в городах. Выборочное исследование научно-исследовательского центра Юго-Западного финансового университета КНР показывает, что в 2012 г. городской уровень безработицы в Китае составлял 8,05%, а общий уровень безработицы в сельской местности — 6,0%, причем рассчитанные университетом значения значительно превышали официальные данные [5].

Таким образом, существенный навес предложения рабочей силы над спросом и, соответственно, хроническое существование безработицы порождают целый ряд проблем в китайском обществе, совсем не характерных для «социализма с рыночным лицом». Называя трудовые ресурсы главной силой для строительства постиндустриальной экономики, реформирующееся китайское общество постепенно стирает грань между использованием рабочей силы и ее эксплуатацией [9; 10]. Десятки миллионов мигрирующих жителей Поднебесной империи стали заложниками «китайского экономического чуда», обнажив его обратную сторону. Главными животрепещущими проблемами рынка труда сегодняшнего Китая можно назвать следующие.

1 . *Сверхвысокая продолжительность рабочего времени.* Трудовое законодательство Китая официально устанавливает 8-часовой рабочий день и 40-часовую рабочую неделю и предусматривает, что никакие «особые потребности бизнеса» не должны приводить к превышению максимальной продолжительности рабочего времени в размере 44 часов в неделю [11]. Тем не менее, исследования показывают, что на 90% предприятий промышленности рабочая неделя длится намного дольше: средняя фактическая продолжительность рабочего дня составляет 10 часов при 6-дневной рабочей неделе. Сверхурочная работа — обычное явление для китайских трудящихся — может составлять до четырех часов в день. Особенно это актуально для промышленности, сборочных производств, для сельского и лесного хозяйств, рыболовства [12]. Низкоквалифицированные рабочие-мигранты, наиболее уязвимая и бесправная часть городской рабочей силы, работают в среднем до 262,7 часов в месяц, что в 1,5 раза больше продолжительности рабочего времени обычных рабочих — 176 часов в месяц [5]. Такая ситуация вполне устраивает китайских производителей-работодателей, поскольку позволяет существенно экономить на заработной плате. Следует отметить, что КНР так и не ратифицировала Конвенцию Международной организации труда № 47 «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю», которая действует во многих странах, в том числе и в России [13, с. 60].

2 . *Отсутствие полноценного социального обеспечения.* По данным Пекинского педагогического университета за 2015 г., для рабочих-мигрантов зафиксирован низкий коэффициент охвата всеми видами социального страхования: 26,2% рабочих были застрахованы от производственной травмы, 17,6% имели медицинскую страховку, 16,7% — пенсионное страхование, 10,5% — страховку от роста безработицы, 7,8% — страхование жизни и 5,5% — жилищного фонда [5]. С точки зрения правового характера занятости у 66,4% мигрантов нет трудовых договоров, т.е. они имеют неформальную занятость [14, с. 29]. Если рассматривать все категории занятых в стране, то ситуация

выглядит несколько лучше, в частности, по пенсионному, медицинскому страхованию и страхованию по безработице (таблица 1).

Таблица 1 — Степень охвата различными видами социального страхования занятого населения в Китае [\[3\]](#)

Показатель	Млн. чел.	Доля в общей численности занятых
<i>Численность занятых, охваченных:</i>		
- пенсионным страхованием	262,2	33,9%
- страхованием от безработицы	173,3	22,4%
- медицинским страхованием	288,9	37,3%
- страхованием от производственных травм	214,3	27,7%
<i>Численность населения, получивших:</i>		
- пенсии	91,4	11,8%
- страховые выплаты по безработице	4,6	0,6%
- страховые выплаты по несчастному случаю на работе	2,0	0,3%

Несмотря на существенное улучшение условий жизни китайцев в части медицинского, пенсионного и других видов обслуживания за последние полвека [\[15\]](#), говорить о какой-либо полноценной защите прав занятого населения в Китае не приходится, так как более двух его третей в принципе не попадают под социальное обеспечение и защиту.

3. *Дискриминация в сфере занятости.* Дискриминация занятого населения имеет несколько распространенных форм. Наиболее значительной и неблагоприятной по своим последствиям является дискриминация по наличию прописки (регистрации). Многочисленные рабочие-мигранты — это выходцы из сельских районов, которым, по действующим в Китае правилам, очень трудно быть официально зарегистрированными в городах. В настоящее время более 91 млн. мигрантов временно живут либо в административных центрах провинций, либо в городах среднего размера. Также их большое количество являются временными жителями больших городов. Например, общее количество незарегистрированных рабочих-мигрантов в Пекине составляет около 4 млн. чел., из которых 2,2 млн. чел. — 16–34-летняя молодежь [\[5\]](#).

Основными признаками дискриминации являются низкая заработная плата, постоянные переработки, плохие условия жизни и работы и т.д. Согласно данным опроса, проведенного Пекинским муниципальным комитетом комсомола, среднемесячная заработная плата для городских рабочих в Пекине равна 7109 юаней, а заработная плата рабочих-мигрантов — 2558 юаней, т.е. она составляет только 36% от зарплаты местных рабочих. Кроме того, мигранты часто страдают от задолженности по заработной плате. В 2014 г. Пекинская государственная инспекция труда рассмотрела 5004 дел о задолженности по заработной плате трудящимся-мигрантам со стороны их работодателей, в результате чего была выплачена задолженность 34977 рабочим на общую сумму 286 млн. юаней [\[5\]](#).

Для большей части мигрантов характерны суровые условия жизни и труда. По данным

китайских исследователей из Пекина, 50% мигрантов живут в арендованном жилье, 18,7% — в общежитиях, 5% — непосредственно на строительных площадках и других рабочих местах (подсобках, бытовках) [14, с. 28]. Зачастую рабочие места в производственных цехах не оборудованы даже вентиляторами, а в заводских столовых дают только рис, вычитая его стоимость из зарплаты [12].

На китайском рынке труда достаточно распространены и другие формы дискриминации: по образованию, возрасту, этнической группе. Женщины страдают от дискриминации из-за ограничения физического состояния и необходимости прерывать работу при беременности и рождении детей [5].

4 . *Отсутствие профессиональной подготовки.* Данные Пекинского педагогического университета показывают, что среди рабочих-мигрантов получили навыки профессиональной подготовки лишь 34,8%. Несельскохозяйственным профессионально-техническим навыкам обучились 32%, а сельскохозяйственным навыкам — 9,5% рабочих-мигрантов. С гендерной точки зрения, профессиональное обучение прошли 36,4% мужчин и 31,4% женщин [5]. По данным других китайских исследователей, 58,8% внутренних мигрантов, работающих в Пекине, имеют образование на уровне девяти классов, 19,7% имеют 12 лет школьного образования, и только 13,5% мигрантов обучались более 15 лет. Такой уровень образования выше, чем в целом по стране, но ниже, чем уровень коренных жителей Пекина [14, с. 29], что дает возможность работодателям дискриминировать мигрантов по образовательному признаку. Продолжительный и напряженный рабочий день, маленькая зарплата не оставляют большинству мигрантов шанса усовершенствовать свои профессиональные навыки и строить карьеру.

5 . *Профессиональные заболевания.* Из-за плохих условий труда, чрезмерных переработок и других сопутствующих причин, в Китае высока частота профессиональных заболеваний. По данным сборника «Национальная отчетность профессиональных заболеваний», за последний год было зарегистрировано 26393 случаев профессиональных заболеваний, из которых 23152 случая пневмокониоза, 637 случаев острого профессионального отравления, 904 случая хронических профессиональных отравлений, 1700 случаев других видов профессиональных заболеваний [5]. По данным Международной организации труда, в Китае пневмокониоз является самым распространенным профессиональным заболеванием, на долю которого приходится более 80% всех зарегистрированных случаев, причем в последнее время там ежегодно регистрируется от 10 тыс. до 23 тыс. новых случаев. Отраслевая структура заболеваний показывает, что большее число случаев профессиональных заболеваний — 73,5% — происходит в угольной промышленности, цветной металлургии, машиностроении и строительстве. Профессиональные заболевания не только наносят вред здоровью работников, но и являются большой потерей для национального человеческого капитала [16].

6 . *Проблемы с воспитанием и обучением детей.* По данным соответствующих ведомств Китая, из-за того, что родители трудоустраиваются на территориях других городов и фактически отсутствуют в жизни детей, почти 70 млн. детей живут не с родителями. 70 миллионов детей составляют четверть всего детского населения страны. В то время как их родители пытаются заработать на жизнь в крупных городах, большинство этих детей остаются в деревнях и селах с бабушками и дедушками, а зачастую и с другими, более далекими родственниками, что снижает качество поддержания физического и морально-

психологического здоровья детей, ухудшает уход за ними.

Сложнейшая ситуация с детством в Китае регулярно становится объектом форума Детского фонда ООН — ЮНИСЕФ (United Nations International Children's Emergency Fund). По словам Тун Сяоцзюнь, директора Китайского исследовательского института для детей и подростков, «без опеки дети очень подвержены несчастным случаям, особенно во время школьных каникул. Родители полагают, что бабушки и дедушки — надежный тыл. Но, к сожалению, пожилые люди не могут обеспечить надлежащего надзора». В 2010 г. совместно с ЮНИСЕФ Китай запустил специальную программу для малообеспеченных сельских семей. В рамках этого проекта, социальные работники помогают присматривать за детьми и добиваться для них определенных льгот. Сейчас программа охватывает 120 деревень в пяти провинциях [17].

Профессор Нанкинского университета Хуа Цзюсян заявляет, что «система социальной защиты детей в Китае фактически стартовала лишь в 2010 г., когда страна решила направить 2,5 миллиарда юаней на уход за детьми-сиротами и поддержку соответствующих учреждений». По данным статистики Китая, более 20 миллионов китайских детей живут за чертой бедности, в социально неприемлемых условиях [18]. Новая социальная политика китайского правительства направлена на расширение социальной помощи нуждающимся детям, но она не имеет широкой доступности для всех.

Особой проблемой является обучение детей тех мигрантов, которые взяли детей с собой на новое место жительства. Такие дети составляют 12,6% всего потока сельских мигрантов в города и должны получить обязательное 9-летнее образование. Однако, из-за отсутствия городской прописки дети мигрантов не имеют широкого доступа к получению образования в общегосударственных школах. Поэтому большая их часть учится в специальных школах для детей-мигрантов, не обладающих такой качественной образовательной инфраструктурой, как государственные школы [19]. Официальная статистика зарегистрировала порядка 47 млн. детей мигрантов, получающих среднее образование, что составляет 23% от общего числа обучающихся в школах детей (таблица 2).

Таблица 2 — Численность и структура обучающихся в школах детей

внутренних мигрантов Китая [3]

Формат обучения	Дети рабочих-мигрантов, живущих совместно с родителями			Дети, оставленные родителями	
	Тыс. чел.	Доля в общем количестве детей-мигрантов соответствующего уровня образования	Доля в общем количестве детей соответствующего уровня образования	Тыс. чел.	Доля в общем количестве детей-мигрантов соответствующего уровня образования
<i>Начальная школа</i>					
- выпускники	1 169,8	42,7%	8,1%	1 567,7	57,3%
- поступающие	1 835,3	43,4%	10,6%	2 394,5	56,6%
-	10	42,3%	10,5%	13	57,7%

обучающиеся	135,6	32,5%	10,5%	836,6	37,7%
<i>Средняя школа</i>					
- выпускники	835	33,5%	5,9%	1 655,7	66,5%
- поступающие	1 199,5	35,8%	8,5%	2 147,8	64,2%
- обучающиеся	3 535,4	35,7%	8,2%	6 355,7	64,3%

Учитывая масштабность и остроту обозначенных выше проблем рынка труда, связанных с внутренней миграцией, можно говорить о наличии серьезной внутренней нестабильности в Китае. Наряду с такими общеэкономическими проблемами, как неравенство в развитии территорий и конфискация земель, современный китайский социум подвергается существенной социальной дифференциации (разделение на богатых и бедных), формированию новых социальных противоречий и конфликтов. Об увеличении уровня социальной напряженности свидетельствует рост и характер акций протеста. Так, число массовых протестов возросло с 10 тыс. в 1993 г. до 60 тыс. в 2012 г. Численность принимавших в протестах людей увеличилась с 730 тыс. до 3070 тыс. человек. Почти все акции массового протеста были непосредственно связаны с несправедливым отношением к социально уязвимым группам населения, в том числе, к мигрантам [\[20, с. 188\]](#).

Китайское правительство, осознавая всю опасность социальных проблем, делает шаги для их решения, но впереди еще большой путь по защите прав рабочих-мигрантов, улучшению их социального статуса и материального положения. Среди направлений решения данных проблем можно выделить главные:

- повышение эффективности дальнейшей внутренней миграционной политики, ее гибкое реагирование на запросы бизнеса. По мнению специалистов, китайские власти изначально избрали крайне жесткую политику по отношению к внутренним мигрантам, чтобы потом, следуя запросам бизнеса, постепенно смягчать ограничения и регулировать миграционные потоки [\[21, с. 146\]](#);
- повышение образовательного уровня, реализация программ профессиональной переподготовки сельскохозяйственных рабочих и развития урбанизации, таких как программа «Солнечный свет», начатой в 2004 г. [\[22\]](#);
- реализация политики «Три карты в одной», в которой под картами подразумеваются индустриализация, инновации и человеческий капитал. Политика «Три карты в одной» предполагает упрощение схемы выдачи разрешений на работу, смягчение налогового бремени, позволяет эффективно сократить время регистрации мигрантов, повысить эффективность функционирования рынка труда, обслуживания, снизить расходы на бизнес и на самих мигрантов, улучшить предпринимательский энтузиазм среди мигрантов, увеличить масштабы инвесторской миграции [\[5\]](#).

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сказать, что современный Китай сталкивается с острыми социальными проблемами, связанными с функционированием рынка труда в условиях активной внутренней трудовой миграции и вызывающими высокую социальную напряженность. Основой для возникновения данных проблем является сохраняющаяся избыточность рабочей силы Китая на фоне замедления экономического роста и высокий реальный уровень безработицы. Главными очевидными проблемами такого плана являются эксплуатация рабочего класса, в особенности

мигрантов, выражающаяся в сверхвысокой продолжительности рабочего дня, отсутствии социального обеспечения, дискриминации по признаку прописки, плохих условиях жизни и работы, отсутствии профессиональной подготовки широких слоев рабочего класса, возникновении профессиональных заболеваний, наличии проблем с детьми мигрантов. Данные проблемы объективно не могут быть решены быстро и безболезненно, однако, необходимость их решения — залог внутренней стабильности и дальнейшего развития экономики Китая.

Библиография

1. Миграция населения: теория, политика: учебное пособие / Под редакцией О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. – Москва: Экономическое образование, 2012. – 364 с.
2. Шевцова Е.В. Миграционная политика: учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – 140 с.
3. 中国统计摘要, 2016年北京 [Китайский статистический сборник 2016. Пекин, 2016].
4. Izimov R. China's Changing Strategy in the Central Asian Region (Based on the Silk Road Economic Belt Initiative) // Central Asia and the Caucasus. 2016. Т. 17. № 1. С. 44–54.
5. 年中国劳动力市场发展报告 [Доклад о развитии рынка труда в Китае в 2015 году. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета КНР, 2015. – 383 с.].
6. World Factbook Title [Electronic Resource] // The World Factbook Site. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>.
7. Промахина И.М., Ван Лулу. Эконометрический анализ взаимосвязи экономического роста и безработицы в Китае (1978–2006 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2008. – № 3. – С. 82–94.
8. Морозова В.А. Уровень скрытой безработицы в КНР // International Scientific Review. – 2017. – № 3 (34). – С. 54–55.
9. Красова Е.В. Иностранная рабочая сила как элемент воспроизводства трудовых ресурсов региона // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–21. – С. 4722–4726.
10. Островский А. Выход из кризиса: специфика Китая // Проблемы теории и практики управления. – 2009. – № 6. – С. 36–48.
11. У Яао. Культурная жизнь рабочих-мигрантов второго поколения в китайском мегаполисе // Наука и бизнес: пути развития. – 2015. – № 6. – С. 111–115.
12. Жить, чтобы работать [Электронный ресурс] // Электронный архив газеты «Континент». – Режим доступа: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=4bd0d3cd9a96a>.
13. Потуданская В.Ф., Батуева А.В. Продолжительность рабочего времени: отечественный и зарубежный опыт // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 2 (35). – С. 59–65.
14. Га Ж., Ли Ч., Ключев А.В. Структура и тенденции внутренней и внешней миграции в Китае и России (на примере Пекина и Санкт-Петербурга) // Управленческое консультирование. – 2014. – № 4 (64). – С. 23–33.
15. Забровская Л.В. Повышение уровня жизни населения КНР в начальный период экономических реформ // Региональные проблемы. – 2017. – Т. 20. – № 2. – С. 73–78.
16. Профилактика профессиональных заболеваний. Всемирный день охраны труда 28 апреля 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МОТ. – Режим доступа:

<http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@europe/@rogeneva/@sromoscow/documents.pdf>.

17. ЮНИСЕФ: впечатляющие преобразования Китая в интересах детей коснулись не всех [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра новостей ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=22985#.WTdAfZLj3g>.
18. Внутренняя миграция продолжает оставаться для Китая одной из главных проблем [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального телевидения Китая. – Режим доступа: <http://cctv.cntv.cn/2014/05/15/VIDE1400134561794338.shtml>.
19. Гулева М.А. Образование детей мигрантов в Китае // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 2 (655). – С. 32–35.
20. Дин И. О некоторых аспектах реформ в КНР: проблемы и перспективы // Научное мнение. – 2013. – № 3. – С. 185–191.
21. Козлова Е.В., Ушаков Д.С. Миграция и государственная миграционная политика как факторы динамики рынка труда (опыт Китайской Народной Республики) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 4 (30). – С. 142–148.
22. Анохина Е.С., Савкович Е.В. Программа «Солнечный свет» как элемент решения проблем трудовой миграции в КНР // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 8. – С. 70–75.